

КУЛЬТУРА ЭКРАНА
КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

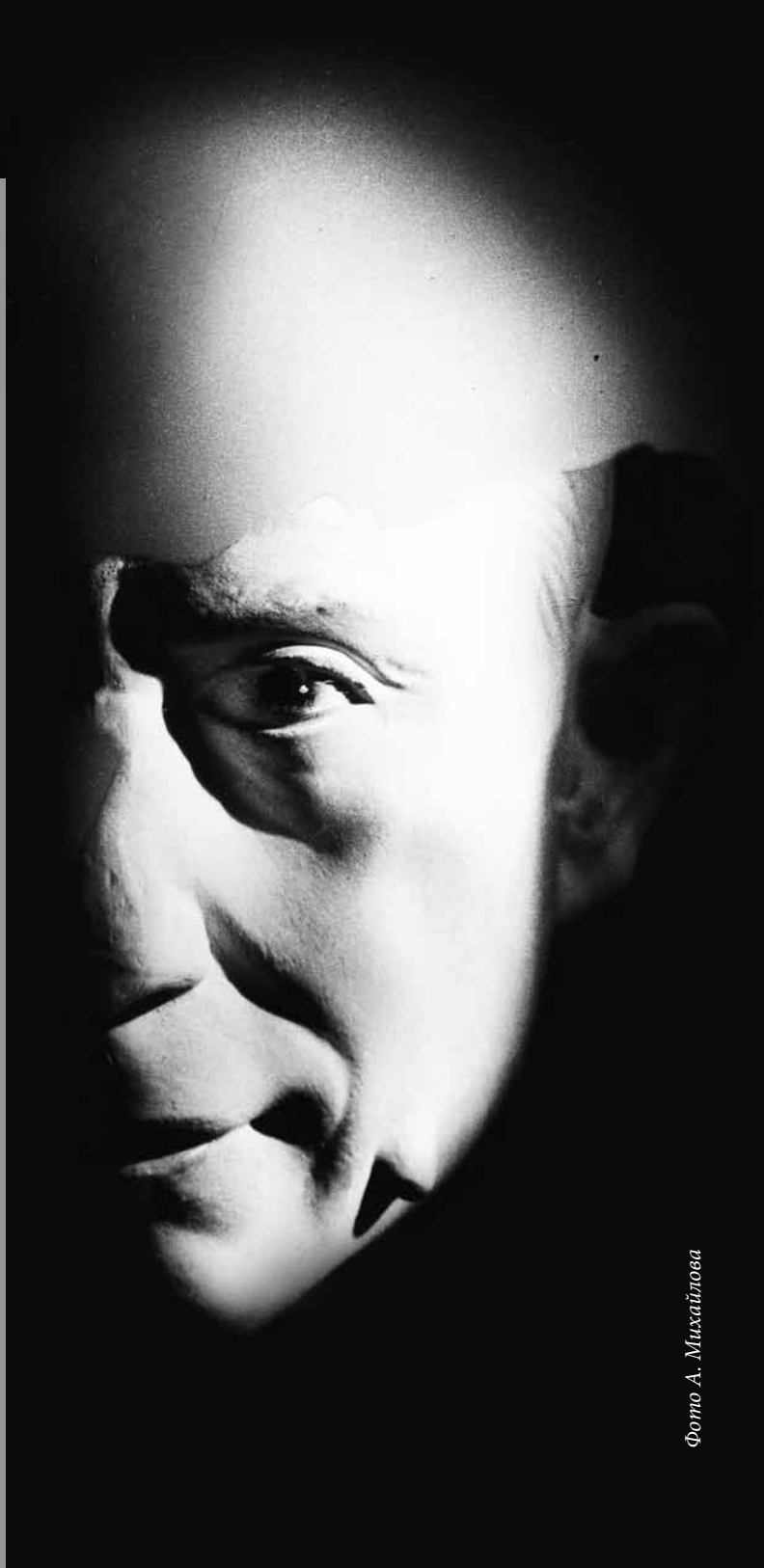

Фото А. Михайлова

Проблемы представления и типологии демонических и монструозных персонажей в анимации

Н.Г. Кривуля

доктор искусствоведения

В работе рассматриваются проблемы демонического и монструозного на примере произведений анимации. Даются характеристики демонического и монструозного; определяются формы их проявления в анимации; выделяются причины, способствующие изменению отношения к демоническим и монструозным образам; предлагается классификация демонических и монструозных персонажей в анимации на основе их функции, происхождения, локализации и типа гибридности¹.

УДК 778.5.05.:778.534.6

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

демонология,
монстр,
мифология,
анимация,
персонаж,
гибридность,
Чужой, Свой

Проблемы монструозного и демонологического оказываются в центре внимания не только тех, кто проявляет интерес к религии и мифологии, но и исследователей различных областей культуры. В последние годы можно наблюдать активизацию дискурса в культуре вокруг данной проблемы. Этот феномен получает новое осмысление в связи с процессами, происходящими в постсекуляротивном обществе, переживающем череду кризисных потрясений. Интерес к демоническому и монструозному как проявлению иного связывается со стремлением сформировать новую точку зрения на антропологию и место человека в новой системе координат. Он всегда существовал в культуре. Понятия демонического и монструозного и персонифицирующие их образы были необходимы, так как позволяли сформировать представление о правильном, нормативном, обычном, то есть выстроить ту или иную систему координат.

Группу монструозных и демонических персонажей образует совокупность мифологических образов, являющихся посредниками между миром людей и миром инобытия, между миром живых и мертвых.

Демонические персонажи — это мифологические, сверхъестественные существа, занимающие промежуточное положение между людьми и богами. Демон, с греческого «δαίμων», буквально означает божество, деятель, дух-хранитель. Вл. Соловьев, опи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Анимация в эпоху антропологического кризиса и социальных реформаций», проект № 12-04-00339.

² Соловьев Вл. Демон / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907 // Т. 10 (19): Давенпорт — Десмин. — 1893. // URL.: [www. http:// enc-dic.com/brokgause/ Demon-99288.html](http://enc-dic.com/brokgause/Demon-99288.html) (дата обращения: 03.11.2013).

раясь на греческие тексты, дает три основных этимологических значения слова «демон»². Согласно Платону, демон — это знающий. Ав.Фр. Поттом, работавшим над этимологией индоевропейских языков и издавшем классический труд «*Etymologische Forschungen*», демон определяется как распределяющий, раздающий (дары). Еще одна дефиниция, связанная с восточно-арамейскими корнями, представляет демона как блестящего, «светлое существо — бог». Рассматривая древнегреческую мифологию и литературу, А.Ф. Лосев говорит, что демон есть некая неопределенная, неоформленная божественная сила, влияющая на судьбу человека. В отдельных случаях демонами называются олимпийские боги, но это происходит тогда, когда они скрывают свое имя и не проявляют себя, совершая некие деяния. Согласно терминологии Г. Узенера демон предстает «богом мгновения», молниеносно возникающим, совершающим некое действие и так же мгновенно исчезающим.

В древних дохристианских мифологических текстах не всегда прослеживается связь демонологических существ с силами зла или добра. Демоны характеризовались бинарной природой. Они в равной степени могли творить зло и добро. По словам Вл. Соловьева, «когда развитая религиозно-философская мысль признала достойным поклонения единственно лишь абсолютно доброе, весь эллинский пантеон должен был быть исключен из сферы истинного божества; все олимпийцы превращались в демонов, в духов обмана и зла»³. Таков взгляд на представления утверждающихся мировых религий. В иудейской религии, а впоследствии в христианстве и мусульманстве, демонами стали именоваться все сверхъестественные существа, связанные с языческими культурами. Под демонами стали понимать исключительно злых существ, роковые и губительные силы. Блаженный Августин, говоря о демонах как могущественных существах, отмечает что они «творят ангельская, хотя по своей собственной вине и злая»⁴ и творят они только то, что Бог допускает. В иудаизме и христианстве демонами стали называть падших ангелов, превратившихся в злых духов, а в исламе джиннов.

Монструозные персонажи — фантастические, диковинные существа, которые могут обладать сверхвозможностями, выдающимися природными или вымышленными качествами. Монстр с французского «*monster*» буквально означает чудовище, урод, существо (животное или человек) с физическим недостатком, ненормальностью развития; в переводе с латинского «*monstrum*» — чудо, диво, необычайная странность, нечто чудное, невиданное, выдающееся, поражающее своим видом и способностями.

³ Соловьев Вл. Демон / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

⁴ Августин. О Граде Божьем // URL.: [http:// krotov.info/library/01a/ avg/ustin035.htm](http://krotov.info/library/01a/avg/ustin035.htm) (дата обращения: 11.11.2013).

Монстр как нечто аномальное, искажающее норму, наделяется отрицательными коннотациями. Но само его существование необходимо и, согласно Ж. Дерриде, позволяет человеку сформировать понятие нормы по отношению к его аномальности. В связи с разграничением между нормой и аномальным назначение монстра заключается в определении границы между возможным и допустимым, эстетическим и безобразным, этическим и безнравственным, изображаемым и невообразимым. Монстр являет себя на границе, тем самым обозначая ее наличие. Но его пограничность становится основой компиляционности своего и иного, при этом делает саму репрезентацию монстра фантомной. В связи с этим возникает вопрос — является ли фигура монстра, явленная в материальных формах, таковой, каков он есть, или это одна из возможных его репрезентаций?

Благодаря бытию за пределами нормы, монстр является обладателем и мистических, или сверхъестественных, своей формой и поведением символизируя сверхъестественную реальность. Данное представление о монстре восходит к взглядам Августина Блаженного, отраженным в трактате «О Граде Божьем», где он дает определение монстру как божьему творению, через которое происходит указание на невидимое и сокрытое. Присутствие в монстре сокрытого делает его образ притягательным, таким же притягательным, каким является проявление Божественного чуда. Через преодоление страха и отвращения человек пробуждает в себе желание приблизиться к монстру, примерить монструозное на себя в надежде овладеть, постичь символическое. Отвращение к монстру есть лишь отвращение человеческое, монстры «не противны природе вообще, они противны той природе, которая привычна нам»⁵. Для мистиков, богословов и философов раннего средневековья монстры были частью Божественного творения и инструментами Бога. Их чудовищность есть лишь с точки зрения человека, но не Творца, для него они часть мироздания, необходимая для космической гармонии, оттенения одного от другого. Сл. Жижек определил монстра как недостающее, фантазматически представленное звено, связующее культуру и природу⁶. Невидимое делает незавершенным фигуру монстра, становится поводом подвергать сомнению явленную репрезентацию.

Монстры, рожденные современностью, являются продуктами не манифестации границ, а постоянного их расширения, подвижности и разрушения понятия нормы, вписывания ненормального в новые границы, признание аномального за новую норму.

⁵ Эко У. История Красоты. М.: Слово / Slovo, 2004. С. 147.

⁶ Žižek S. Enjoy Your Symptom! Jacques Lacan in Hollywood and Out. New York: Routledge, 2001. P. 136.

Если демоны чаще всего являли собой манифестацию Иного, надчеловеческого, то монстры по отношению к человеку и его миру представляли собой образы Другого. Они содержали в себе искаженное человеческое, измененное проявлением символического, чего-то непознанного, необъяснимого, а соответственно пугающего и опасного, но в то же время притягивающего и удивляющего.

Гибридность, или синтетичность формы и качеств, является признаком, присущим и демоническим, и монструозным образам. Описание многих демонических персонажей несет на себе черты монструозности. Это касается как образа, так и их способностей, например, способности менять облик, принимать различные обличия.

Истоки демонических и монструозных персонажей

Истоки появления демонических и монструозных персонажей (ДМП) лежат в тотемных культах, древних верованиях и анимистических представлениях.

Большая часть ДМП, составляющих европейскую, а в более широком смысле индоевропейскую группу, появилась в дохристианский период в ранних религиозных культах и верованиях и была образами существовавшей в то время мифологии.

Согласно древнегреческому философу Фалесу мир наполнен демонами, каждая вещь в мире имеет свой дух, который может покидать форму, то есть вещь как оболочку, и принимать иное обличье. Это представление созвучно анимистическим верованиям архаического периода. Представления о демонизированной природе были сохранены в период распространения христианства и закрепились в новых культовых обрядах. Религии в данном случае не удалось окончательно вытеснить «архетипическую предрасположенность» (К. Юнг) естественного человека. Она позволяла воспринимать мир одушевленным, а вещи — обладающими душой или духом, злым или добрым. Подобное анимистическое понимание мира закрепилось в языке некоторых народов. Например, в немецком языке при разговоре о вещах используются те же прилагательные, что и при описании живых существ, предметам приписываются те же качества, что и живым существам. Подобный антропоморфизм нашел отражение в романтической литературе. Например, Э.Т.А. Гофман представлял вещи не только живыми, но они обладали собственным мнением и могли принимать непосредственное участие в судьбе героя. Фр.Т. Фишер в романе «Еще один» говорит о «коварстве вещей». Ж. Поль в «Титане», описывая пыль, кружащуюся в лучах солнца,

пробивающихся в полутемную комнату, воспринимает ее живой субстанцией, наделенной душой и способной принимать конкретные формы.

Анимизм, присущий архаическому сознанию Древнего мира, впоследствии нашел выражение в поэтических метафорах, позволяющих антропоморфизировать образы предметного мира и природы.

Истоки демонизма лежат и в культурах почитания умерших. Полагали, что души умерших становятся демонами: души добрых людей превращаются в добрых демонов, а злодеев — в злых, дурных.

Помимо высказанных предположений, в древнегреческой философии бытовало мнение, что при рождении человеку дается демон, или даймон⁷, который сопровождает его всю жизнь и своим характером определяет его судьбу. Демон Сократа есть нетленная часть человека, это внутренний, истинный человек, который может быть определен как Ноус или разумное божественное Эго. Сократовский демон, или даймон, ничего общего не имел с христианскими демонами ада. В измененном виде эта точка зрения отражена в киноленте «Золотой компас», где каждый родившийся получал своего даймона, но он предстал не в виде сверхсущества, невидимой сущности, а материализовывался в облике того или иного животного. Пока ребенок маленький, даймон мог менять свои формы, приобретая то одно, то другое обличье, но по достижении совершеннолетия образ даймона не менялся. Он был отражением внутренней сущности. Метафорические смыслы, закрепленные за тем или иным животным, становились характеристиками внутренней сущности человека, обладающего данным даймоном.

В дохристианских верованиях, культурах и мифологиях не было однозначного взгляда на демонов и монстров. В отношении них была как смысловая неопределенность, так и не было завершенной оформленности. Философы Александрийской школы именовали духов различных родов, как добрых, так и злых, демонами. В греческой литературе встречаются два имени Агафодемон⁸ — благотворный, добрый гений и божество, его противоположность — Какодемон, злой дух. Демоны в гомеровской «Одиссее» определяются как божества. В одних случаях они влияли на человека, насылали зловещие сны (XX, 87), беды (XII, 295; XIX, 512), прельщали (XVI, 194), направляли на неверный, катастрофический путь (VI, 172; VII, 248). Демон мог действовать благодетственно (Одиссея, III, 26; IX, 381), даровать победу (Илиада, VII, 291, 377, 396), быть отважным. В «Илиаде», когда говорится, что персонаж ужасен, свиреп, яростен, неистов в делах, его сила выше

⁷ Понятие «даймон» встречается в текстах у Пиндара и Платона. — Прим. авт.

⁸ Агафодемон то же, что и Офи, Хнуф, Неф, Логос — добрый змей. С греческого «Агаф» буквально — «добрый». — Прим. авт.

человеческой и в нем проявляется необычайная мужественность и решимость, то возникает его сопоставление с демоном. У Гомера встречается даже эпитет «счастливодемонический», но все же чаще демон оказывает вредоносное воздействие на человека. Уже в гомеровских текстах можно увидеть как демон из чего-то божественного и положительного превращается в злую сущность.

У Гесиода исчезнувшее «поколение людей золотое» превратилось в благостных демонов, которые волей великого Зевса охраняют живущих на земле и зорко взирают на правые и неправые дела⁹. Нужно отметить, что в европейской дохристианской мифологии отношение к демонам было полярным, хотя довольно часто они связывались с негативным началом, но не являлись однозначным воплощением зла, в ведических же текстах была более четкая система¹⁰.

Не только демоническое привлекало мыслителей. Истоки монструозных персонажей лежат в древнейших мифологических текстах, знакомящих с сонмами фантазийных, странных существ, богов и демонов. Монструозное рождалось в процессе самой космогонии, наполняя вариативностью возникающие миры.

Интерес к фигуре монстра как объекту исследования и рассуждения также обозначается в античности, в труде Аристотеля «О происхождении животных». Об образах монстров как нелепых чудовищ, по своей природе причастных божественному уделу, упоминает Платон в «Федре», но при этом он говорит, что их стоит принять, а не заниматься правдоподобным объяснением каждого вида. Размышления о монстрах можно найти в трудах Цицерона и Плиния. Но если в античности монстр понимался как диковинное, фантазмагорическое существо, то в средневековых текстах он отождествляется с ужасающим образом Другого, который наделяется разрушительной силой и агрессивностью, а в силу этого демонизируется. В новое время монстр стал функционировать в статусе религиозно-христианской метафоры спасительного искупления и неизбежности раскаяния за земные грехи.

Начиная с эпохи модернизма, символическая функция монстра меняется. Теперь он связан со стремлением узреть невидимое в видимом, неразличимое в явленном. Монстр стал воплощением всего того, что мы боимся в мире и в нас самих. Человек, его страхи стали источником, порождающим монстров. Визуализация и объективизация их в реальности становится способом извлечения внутреннего страха во вне. Дистанцирование от себя самых глубоких и отталкивающих частей самости становится способом очищения и сохранения себя, избавления от страха. Явленное и отстраненное перестает быть тайным и пугающим.

⁹ Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма // Эллинистские поэты. М.: Художественная литература, 1963. // URL: www.http://lib.ru/POEEAST/GESIOD/trudy.txt (дата обращения: 25.11.2013).

¹⁰ Демоны (ракшасы) представляли злых духов и великанов. Среди ведических демонов были и безобидные демоны Якши — пинья-джаны, или добрые люди. Но и они в индийском фольклоре впоследствии стали злыми демонами, пожирающими людей. — *Прим. авт.*

С распространением новых верований и формированием религиозного культа отношение к персонажам прежней мифологии постепенно менялось. Некоторые из добиблейских мифологических персонажей продолжили функционировать в культуре в христианский период, какие-то были ею ассимилированы и обрели иные функции и смыслы, другие стали частью народных, как правило, этнических верований, иные навсегда растворились в истории, став мертвыми знаками утраченной мифологии. ■

(Окончание статьи в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. О Граде Божьем // Творения Блаженного Августина Епископа Гиппонийского: в 8 ч.; пер. с лат. — 2-е изд. — Киев, 1901–1915. — Ч. 3–6. Кн. 1–22.
2. Гесиод Работы и дни. Земледельческая поэма // Эллинские поэты. — М.: Художественная литература, 1963.
3. Гомер Илиада. — М.-Л., ГИХЛ, 1949.
4. Гомер Одиссея // <http://lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer02.txt>
5. Платон Федр // <http://philosophy.ru/library/plato/fedr.html>
6. Соловьев Вл. Демон // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб., 1890–1907.
7. Эко У. История красоты — М.: Слово/Slovo, 2004.
8. Žižek S. Enjoy Your Symptom! Jacques Lacan in Hollywood and Out.— Routledge, London/New York. 2001. — 256 p.

REFERENCES

1. Augustine A. O Grade Bozhem [The City of God]// Tvoreniya Blazhennogo Augustine Episcopa Gipponiyskogo. V 8 ch. — Kiev, 1901–1915. — Ch.3–6. Kn.1–22.
2. Hesiod Raboty I dni. Zemledelcheskaya poema [Works and Days] //Ellinskie poety. — M.: Khudozhestvennaya literature, 1963.
3. Homer Iliada [Iliad] — M-L GIXL, 1949.
4. Homer Odisseyia [Odyssey] // <http://lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer02.txt>
5. Plato Fedr [Phaedrus]// <http://philosophy.ru/library/plato/fedr.html>
6. Solovev Vl. Demon [Demon] //Entciklopedicheskiy slovar F.A. Brokgauza I I.A. Efrona. — SPb., 1890–1907.
7. Eco U. Istotiya krasoty [History of beauty] — M.: Slovo, 2004.
8. Žižek S. Enjoy Your Symptom! Jacques Lacan in Hollywood and Out.— Routledge, London/ New-York, 2001. — 256 p.

On representation and typology of the demoniac and monstrous characters

N.G. Krivulya

UDK 778.5.05.:778.534.6

ABSTRACT: Currently discourse of the monstrous and demonological has been intensified. These phenomena are gaining new understanding due to the processes occurring in the post-secularitarian society undergoing a succession of critical shocks. The interest in the demonic and monstrous as the manifestation of the desire tends to form a new point of view on the anthropology and man's place in the new reference frame. The judgments about the demonic and monstrous allowed creating representation of the correct, normative, standard, and normal.

Hereafter the definition of the demonic and monstrous characters is presented as well as differentiation between the concepts of the demonic and monstrous is drawn through analysis of etymology of the words "demon" and "monster" and their connotations in different languages. Particular attention is drawn to the changes in the concepts of demonological and monstrous in cultural traditions and historical perspective on the basis of analysis of the ancient Greek literature, pre-Christian mythological and biblical texts, philosophical treatises and works by Plato, Thales, Socrates, Hesiod, Homer, Aristotle, Cicero, Pliny, Ctesias of Cnidus, St. Augustine, Vl. Solovyov, Av. Fr. Pott, A.F Losev, G. Umberto Eco, Derrida, Sl. Žižek.

The analysis revealed the differences in relation to the monstrous and demonic. If the idea of the demonic has evolved from the divine to the sinister, and has completely lost the binary of the semantic opposition up to now, the monstrous continues to show the duality of its nature. As a result the monstrosity is associated with liminary existence between the normal and abnormal, possible and admissible, esthetic and ugly, ethical and immoral, represented and unimaginable. If the demonic is the manifestation of the supernatural and demonstration of the Other, the monstrous as exiting outside the scope of the ordinary and habitual, represents the image of the Other. Both the supernatural of the demonic and the marginality of the monstrous ground concatenation, furnishing the images with the phantasmic. If the demonic appears as the distortion of the divine, the monstrous is the distortion of the human. The hybridous or synthetic character of the forms and qualities is the feature common to both the demoniac and monstrous images.

KEY WORDS: Demonology, monster, mythology, cultural traditions, character, alien, insider

[библиотека ВГИК]

Нильсен В.С.
Изобразительное построение фильма: Теория и практика операторского мастерства. — М.: ВГИК, 2013. — 240 с.

Это переиздание книги В.С. Нильсена —

талантливого кинооператора, заведующего кафедрой операторского мастерства ВГИКа, расстрелянного в 1938 году и надолго исчезнувшего из истории отечественного кинематографа. Книга издана по решению кафедры кинооператорского мастерства и ее заведующего, профессора В.И. Юсова (1929–2013) и посвящена 90-летию операторского факультета ВГИКа.

Кинооператорское искусство России. Традиции и инновации: Научно-практическая конференция, Москва, 18–20 ноября 2013 г.: материалы и доклады. — М.: ВГИК, 2013. — 280 с.

В сборник вошли материалы, доклады и выступления научно-практической конференции «Кинооператорское искусство России. Традиции и инновации», прошедшей 18–20 ноября 2013 года во Всероссийском государственном университете кинематографии имени С.А. Герасимова. Издание интересно кинооператорам, киноинженерам, преподавателям учебных заведений киноотрасли, а также студентам, аспирантам, другим специалистам кинопроизводства.

Якобсон Митч.
Многокамерное производство: от подготовки до монтажа и выпуска: учебное издание / пер. с англ. Ю. Волкова; ред. М.Ф. Казючич. —

М.: ГИТР им. М.А. Литовчина, 2012. — 492 с. : цв. ил.

Автор книги — профессионал с 30-летним опытом работы на разных участках ТВ-производства: от такелажника до телеоператора, монтажера, режиссера и исполнительного продюсера. Название «Многокамерное производство: от подготовки до монтажа и выпуска» настраивает читателя на практический лад. Книга написана языком, легким для понимания практических ситуаций, содержит ответы на вопросы, адресованные режиссерам, видеоинженерам, ассистентам, звукорежиссерам, специалистам по цветокоррекции, продюсерам. Описываются способы и приемы многокамерных съемок разных проектов — от интервью до концертов; используется прием «кейс-метод» (обучение на реальных ситуациях). Изучается широкий жанровый спектр проектов — концерты, ток-шоу, трансляции, ситкомы, документальные и событийные сюжеты, игровые фильмы и т. д. Книга предназначена для тех, кто профессионально занимается ТВ-производством, видеосъемками, может быть рекомендована как учебное пособие для вузов.